

Секция «Политика памяти: методология исследования и практики применения»

Методологические основания изучения войн в рамках *memory studies*

Научный руководитель – Аникин Даниил Александрович

Батищев Роман Юрьевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра истории и теории политики, Москва, Россия

E-mail: romanbatishhev@rambler.ru

В современных социогуманитарных науках к проблемам памяти о войне обращено самое пристальное внимание. Рассмотрение этой проблемы, кроме того, тесно связано с изучением очень актуальной сегодня проблемы т.н. «войн памяти». Эта связь обусловлена, по меньшей мере, тем, что центральное место в выстраиваемой политике памяти в России и на западе занимают именно образы военного прошлого.

При этом слабо проработанной остаётся сама специфика обращения к войне в рамках политики памяти, что особенно касается политологических исследований. В этой связи для формирования методологических оснований изучения памяти о войнах необходимо рассмотреть и классифицировать основные подходы к исследованию памяти о войне в современных *memory studies*.

Критерием классификации выступают основные акторы, через репрезентации которых рассматривается память о войне. В отечественных исследованиях также используется понятие «мнемонические акторы» [3, с. 7].

Одной из значимых тем, к которой постоянно обращаются исследователи, является центральная роль государства как актора политики памяти. Как известно, образы военного прошлого активно используются государством в процессах нациестроительства и для поддержания национальной идентичности.

Истоки формирования такого взгляда на память о войнах можно проследить ещё с конца XIX века: французский философ Э. Ренан впервые заговорил о национальной памяти как о фундаменте нации [4].

Фундаментальной работой здесь выступает книга американского историка Джорджа Мосса «Павшие солдаты: новый взгляд на воспоминания о мировых войнах». В этой книге Мосс прослеживает формирование и развитие т.н. «мифа о военном опыте», положенного в основу идеологии национализма в западноевропейских государствах [10]. Политическое использование образов прошедших войн может быть направлено на актуальные задачи поддержания нынешнего политического курса, в частности, легитимизации современных войн [5], а также выходить на международный уровень и служить определённым механизмом «мягкой силы» [6].

Тем не менее, учитывая сложность и разнородность современного общества, а также наличие широких возможностей для медийной трансляции различных образов прошлого, исследователи проблемы уделяют внимание негосударственным акторам, чьи артикуляции порой оказывают значительное влияние на образы войны в массовом историческом сознании. Одним из таких влиятельных социальных акторов выступают ветеранские организации. М. Керен отмечает, что во второй половине XX века наметился общий упадок национальных государств и их героических исторических нарративов, отчётливо проявился антивоенный настрой интеллектуальной элиты. В результате чего воспоминания ветеранов стали вступать в противоречие с официальными репрезентациями военного прошлого [8].

Среди негосударственных акторов политики памяти особое место занимают политические

партии как институты, способные поддерживать или оспаривать официальный исторический нарратив непосредственно в рамках политической борьбы. Активность политических партий в исторических баталиях отмечается как в рамках российского политического процесса [9], так и за рубежом [2].

Особая специфика обращения к прошлому проявляется в деятельности религиозных сообществ. Вокруг образов войн прошлого, имеющих символическую ценность, религиозные сообщества формируют особый религиозный дискурс, «предлагающий спектр вариантов объяснения» причин войны и её значения [1, с. 7], а также определённые мемориальные практики.

Представляя свои образы военного прошлого, различные социальные акторы при этом могут преследовать самые различные интересы, выходящие за рамки собственно коммерциации или идеологии. Речь идёт, прежде всего, об экономических интересах. Коммерциализация памяти о войне считается на западе устойчивым трендом [6; 12].

Таким образом, можно выделить несколько основных подходов к рассмотрению памяти о войне, выделяемых на основе приоритетного значения того или иного актора (или признания множественности акторов).

Хронологически первым сформировался национально-государственный или государствоцентричный подход. В рамках этого подхода приоритет в артикуляции памяти фактически монополюно отдаётся национальному государству. Особое внимание уделяется политике памяти, понимаемой как «практика . . . социальной инженерии «сверху» [7, р. 13].

Теоретическое оппонирование этой позиции представляет подход, который обращает внимание на народную память [11]. Этот подход постулирует существование некоей естественной, или народной, памяти. В основе лежит грамшистское учение о культурной гегемонии. Применительно к памяти присутствует разделение частной памяти и публичных представлений. Публичные представления обеспечиваются механизмами политики памяти, в рамках которой происходит селекция и подавление частных воспоминаний. Частная память, в свою очередь, сопротивляется политике памяти.

Данные подходы к исследованию памяти о войне представляют собой теоретические обоснования конфликта памяти и траура (или памяти и травмы). Память в данном случае выражается преимущественно со стороны государства. Траур и травма - это форма коллективных воспоминаний народа.

Стремление преодолеть данную дихотомию нашло отражение в социально-акторном подходе [13]. Ключевым моментом здесь выступает признание множественности субъектов, представляющих свои репрезентации военного прошлого, а главное - постоянное присутствие борьбы за память. Государство и прочие акторы создают определённые рамки памяти о войне, «обрамляют» (“framing”) частные воспоминания, выраженные индивидами. Формирование и трансформация различными акторами своих «фреймов» обуславливает определённую динамику коллективной памяти о войне, а разница в этих «фреймах» создаёт предпосылки уже для «войн памяти». Именно в рамках этого подхода определённая связь памяти о войне и «войн памяти» характеризуется наибольшей близостью и даёт теоретико-методологические возможности для изучения категории «войны памяти».

Источники и литература

- 1) Аникин Д.А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе // *Studia Humanitatis*. №1, 2020. 24 с.
- 2) Аникин Д.А., Яровая И.А. Политика памяти о Второй мировой войне в современной Франции: этнополитические факторы и партийные конфронтации // *Власть*. Т. 28, №4, 2020. С. 131 – 137.

- 3) Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз» (журнал политической философии и социологии политики), 2017, №4 (87). С. 6 – 22.
- 4) Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под ред. В.Н. Михайловского. Т.6. Киев, 1902. С. 87 – 101.
- 5) Danilova, Nataliya. The politics of war commemoration in the UK and Russia / Nataliya Danilova. University of Aberdeen, UK, 2015. 272 p. — (Palgrave Macmillan memory studies)
- 6) Edwards S. Allies in Memory. World War II and the Politics of Transatlantic Commemoration, c. 1941–2001. Cambridge University Press, 2015. 314 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139696999>
- 7) Hobsbawm E. Introduction: inventing traditions // The Invention of Tradition / E. Hobsbawm and T. Ranger (eds) London, 1983. pp. 1 – 15.
- 8) Keren M. Introduction // War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration / edited by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London. 2009. pp. 1 – 9.
- 9) Linchenko A., Anikin D. The Political Uses of the Past in Modern Russia: the Images of the October Revolution 1917 in the Politics of Memory of Russian Parties // European Politics and Society. 2020. Т. 21. № 3. С. 356 – 370. Doi: 10.1080/23745118.2019.1645430
- 10) Moss G.L. Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford University Press, Oxford, New York, 1990. 276 p.
- 11) Popular Memory Group Popular memory: theory, politics, method // Making Histories: Studies in History-Writing and Politic. London, 1982. pp. 205–52.
- 12) Scates B.C. Manufacturing Memory at Gallipoli // War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration / edited by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London. 2009. pp. 57 – 76.
- 13) Winter J. Notes on the Memory Boom: War, Remembrance and the Uses of the Past // Memory, trauma and world politics: reflections on the relationships between past and present / edited by Duncan Bell. Palgrave Macmillan. 2006. pp. 54 – 74.